

На протяжении всех репетиций Ланс неизменно тянул лямку лидера, взвалив на себя руководство группой.

Он выкладывался на полную, подходил к делу со всей серьезностью и требовал абсолютной отдачи. Вот только порой палку перегибал — особенно когда выходил из себя. В такие моменты наружу прорывался его истинный характер: Ланс совершенно не выбирал выражений, плевал на чужие чувства и сыпал настолько ядовитыми колкостями, что хоть в петлю полезай.

Басист Тео Уилкин, ленивый и безалаберный по природе, после одной-единственной взбучки за минутную невнимательность едва не бросил все, всерьез подумывая уйти из группы.

Когда обстановка накалялась до предела, Джеймс обычно вмешивался и тихонько напоминал Лансу на ухо:

— Подумай о гараже, приятель.

Ланс каждый раз выходил из себя. Он хватал Джеймса за грудки и яростно шипел:

— Ты на что намекаешь? Думаешь, меня волнует какой-то паршивый гараж?

Но буря неизменно утихала. Ланс сбавлял обороты и становился куда милосерднее к Тео. Джеймс лишь мысленно посмеивался над этой картиной.

Ничего не подозревающий Тео души не чаял в Джеймсе, который вечно за него заступался. На этой почве их дружба росла не по дням, а по часам.

Впрочем, жесткий лидер — это не всегда плохо.

Под неусыпным контролем Ланса парни сыгрывались все лучше. Дело дошло до того, что стоило ему лишь зыркнуть в их сторону, как все мгновенно понимали его без слов: басист хватал струны, барабанщик брался за палочки, а вокалист затягивал песню.

— У меня такое ощущение, будто я не в любительскую рок-группу пришел, а поступил в Королевский музыкальный колледж, — тихонько жаловался Тео Джеймсу.

Джеймс, однако, не разделял его скепсиса. Для новичка вроде него бесконечные прогоны были только на пользу.

К тому же, в отличие от единственного ребенка в семье Тео, Джеймс рос младшим у Лемонов. Он с пеленок привык подчиняться приказам отца и старшего брата, так что жесткая дисциплина его ничуть не задевала. Напротив, он во всем искал плюсы. К примеру, теперь он знал наизусть кучу песен и почти не фальшивил — для него это был колоссальный шаг вперед.

Впрочем, Тео просто любил поворачать ради порядка.

На самом деле, имея за плечами базу игры на гитаре, он прогрессировал быстрее всех. Сейчас он уже вполне сносно терзал бас, а порой даже выдавал весьма недурные, технически сложные фишки.

О Болдуине и говорить не стоило — этот парень отличался завидной стабильностью. Каждый его удар ложился точно в ритм, отзываясь в самой груди: бум! бум! бум!

В итоге их скромный кружок самодеятельности — нет, теперь уже полноценная рок-группа «Планета» — без труда освоил около двух десятков композиций. В основном это были хиты «Битлз», разбавленные парой-тройкой свежих поп-шлягеров.

Обретя уверенность, парни быстро поймали кураж. Гаражные стены им стали тесны, и каждый втайне мечтал о настоящей, большой сцене.

Однако найти приличную площадку оказалось делом непростым.

В те годы рок-группы росли как грибы после дождя, и среди них хватало матерых ребят. Свежеиспеченному коллективу без имени и портфолио тягаться с ними было не по зубам.

Ради заветного шанса выйти к людям пришлось пойти на крайние меры.

Парни приняли непростое решение: играть бесплатно.

Разумеется, идея принадлежала Лансу.

Этот смазливый паршивец, чья голова вечно кипела от хитроумных планов, рассудил здраво: сейчас главное — набраться опыта. Пока они не научатся держать себя на сцене, не почувствуют публику и не сыграются до автоматизма, грош им цена как группе. А настоящий, профессиональный коллектив свое всегда заработает. Если же сейчас торговаться за каждый шиллинг, можно упустить драгоценное время.

Звучало убедительно.

Вот только полностью погрузившийся в музыку Джеймс внезапно вспомнил об одной крайне важной детали. За весь этот месяц изнурительных репетиций Ланс заплатил ему лишь однажды — те самые два фунта за первую неделю. Остальное жалование растворилось в воздухе. Может, они просто заработались и забыли?

Джеймс решил прояснить ситуацию напрямую. Разговор вышел коротким:

— Ланс, ты мне, часом, не задолжал за три недели?

— Разве?

— Именно так.

— А, ну запиши на мой счет. Отдам как-нибудь потом.

Записать зарплату на счет?! Джеймс только рот приоткрыл от такого нахальства.

Но деваться было некуда — он уже увяз в этом болоте по самые уши. Черт с ними, с великими музыкальными амбициями, но бросить все после месяца адского труда? Это значило бы просто выкинуть весь пролитый пот на помойку.

Утешало лишь то, что кому-то приходилось еще солонее.

Когда Джеймс как-то раз в сердцах пожаловался на безденежье, Тео — владелец их репетиционного гаража — искренне изумился:

— Чего? Нам еще и платить должны? Мы разве не ради чистой мечты здесь корячимся?

Душевное равновесие Джеймса мгновенно восстановилось.

С тех пор всякий раз, когда наступало время таскать тяжелые колонки или подметать пол, Джеймс непременно звал с собой Тео, подбадривая его дружеским похлопыванием по плечу:

— Ради мечты, приятель! Все ради великой мечты!

Вскоре Тео завязал с разговорами о высоком. Джеймс прекрасно его понимал.

Впрочем, ворчание ворчанием, но реальное положение дел понимали все.

Про Джеймса и говорить нечего. Болдуин в свое время сбежал из дома ради музыки, но стоило ему нащупать почву под ногами, как его прежняя группа распалась. С тех пор он перебивался с хлеба на воду и от нищеты едва не заложил собственную ударную установку, которая стоила целое состояние. А Тео без группы превратился бы в обычного уличного бездельника, который целыми днями сидит на шее у родителей без единого пенни в кармане.

Так что сейчас всю группу на своих плечах тащил Ланс.

Семья у него была зажиточной, а сам он благодаря отличной учебе исправно получал солидную стипендию. Деньги водились, но и расходы росли лавинообразно. Бас-гитару для Тео купил именно Ланс; себе он тоже приобрел новый инструмент, не говоря уже о бесконечных расходах на комбики, усилители и прочую аппаратуру — эта музыкальная трясина сжирала любые сбережения без остатка.

Пока сидишь сложа руки, кажется, что денег куры не клюют. Но стоит ввязаться в какое-нибудь дело, как расходы начинают сыпаться со всех сторон. Паршивый, несправедливый мир.

Но даже в таких стесненных обстоятельствах Ланс упрямо гнул свою линию: никаких коммерческих выступлений, пока группа не выйдет на приличный уровень. Он предпочитал бессовестно юлить и задерживать выплаты, но шел напролом, отказываясь от малейших компромиссов в вопросах будущего «Планеты».

И что тут скажешь? Парни, конечно, ворчали за его спиной на излишний перфекционизм, но понимали — Ланс старается для общего блага. Им оставалось только стиснуть зубы и пахать вдвое усерднее, чтобы поскорее превратить группу в жизнеспособный проект.

Репетиции превратились в настоящий марафон безумия. А пуще всех не щадили себя Джеймс и Ланс.

Дома у Лемонов старый Джон и Линд вынуждены были терпеть новоявленного сумасшедшего, который самозабвенно орал песни и в душе, и в уборной. Но мосты были сожжены, и Джеймс уже не мог остановиться.

В глубине души его терзали смутные сомнения и глухой страх перед неизвестным будущим. Благодаря одному пернатому мерзавцу Джеймс теперь решительно не представлял, на что еще он годен в этой жизни, кроме как драть глотку у микрофона.

У Ланса все обстояло куда проще. Родители души не чаяли в своем примерном сыне-отличнике и почти не лезли в его дела, так что он без лишних расспросов перебрался жить к Болдуину, чтобы сутками напролет шлифовать игру на гитаре.

Кровать у Болдуина была всего одна, так что Ланс притащил с барахолки какой-то потрепанный ватный матрас. Но сон на полу не задался: он ворочался с боку на бок ночи напролет, зарабатывая жуткие темные круги под глазами, пока измученный хозяин квартиры наконец не уступил ему постель. Позже Болдуин сильно подозревал, что вся эта пантомима с бессонницей была разыграна исключительно ради того, чтобы отжать у него теплое местечко.

Так или иначе, Ланс праздновал победу. Устроившись на отвоеванной односпалке, он окончательно выжил хозяина с законной территории.

Он сидел, привалившись спиной к стене и послушно поджав ноги под себя — в этой позе на его красивом лице читалась непривычная кротость и предельная сосредоточенность. В руках он

сжимал свою первую страсть: электрогитару Fender Telecaster. Дешевый кленовый гриф, изящные обводы корпуса и звонкий, кристально чистый звук. Чтобы придать инструменту индивидуальности, Ланс усеял деку россыпью нарисованных от руки звезд. Забыв обо всем на свете, он раз за разом гонял одни и те же пассажи, закрепляя дневной материал.

Мелодия, которая казалась отличной в первый раз, на сотый круг превращалась в изощренную пытку. Голова Болдуина раскалывалась от этого монотонного пиликанья, и ему не оставалось ничего другого, кроме как уходить посреди ночи бродить по улицам.

Годы спустя на одном из телешоу он во всеуслышание заявит:

— Мое ангельское терпение — это целиком и полностью заслуга Ланса. Этот эгоистичный засравец выдрессировал меня лучше любого укротителя.

Наконец потянулась черед первых выступлений. Вот только реальность разбила их хрустальные замки в пух и прах. Свадьбы, детские праздники, семейные юбилеи и унылые корпоративы... Организаторы звали их вовсе не из-за любви к драйвовому року — просто эта банда соглашалась играть задаром.

Единственный раз, когда им перепала какая-то монета, выглядел примерно так:

— Эй, красавчики! А ну сбацийте-ка «Лишь бы быть счастливым и радостным»!

— Это еще что за песня?

— Вы музыканты или где?

— Ну, да.

— Вот и играйте давайте!

— Но... мы понятия не имеем, как это играется.

— Да какая разница? Вы же группа!

— Группа-то группа, но мы играем рок...

— Нормальные музыканты должны уметь играть всё! Ладно, хрен с вами, а что вы вообще умеете?

— «Twist and Shout».

— Чего-чего? Да кто вообще слушает это дерьмо? С ума сойти! Короче, избавьте меня от своего воя. Вот вам фунт и валите отсюда к чертям собачьим!

—... Спасибо, сэр.

<http://bllate.org/book/19389/1951354>